

Черкасова Юлия Юрьевна

**МИФОЛОГИЗАЦИЯ МЕСТ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ КАК СРЕДСТВО РАСПРОСТРАНЕНИЯ
ВЛИЯНИЯ ТЮРЕМНОЙ СУБКУЛЬТУРЫ В РОССИИ**

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2010/11-2/18.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2010. № 11 (42): в 2-х ч. Ч. II. С. 63-65. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2010/11-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

УДК 009

*Юлия Юрьевна Черкасова**Технологический институт Южного федерального университета в г. Таганроге*

МИФОЛОГИЗАЦИЯ МЕСТ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ КАК СРЕДСТВО РАСПРОСТРАНЕНИЯ ВЛИЯНИЯ ТЮРЕМНОЙ СУБКУЛЬТУРЫ В РОССИИ[©]

Одной из характерных особенностей тюремной субкультуры, как и других субкультур, является ее стремление к экспансии. Причем, чем более замкнута и изолирована субкультура, тем выше ее стремление к распространению собственного влияния. Экспансия тюремной субкультуры выражается в ее диффузии, прежде всего, в массовую культуру, а одним из средств данной диффузии является мифологизация мест лишения свободы. Мифологизация тюрьмы целенаправленно осуществляется криминальными авторитетами для привлечения на свою сторону молодежи, деятелями теневой экономики, тесно связанными с криминалом, а также отдельными политиками, преследующими цель легитимации насилия как метода политической деятельности. Заинтересованные в мифологизации тюрьмы лица целенаправленно финансируют политтехнологов, журналистов, представителей искусства, которые способствуют экспансии тюремной субкультуры.

Мифологизация тюрьмы в России способствуют и глубокие традиции правового нигилизма, сформировавшийся в течение веков приоритет нравственного, а не правового регулирования общественных отношений [8, с. 23, 375-377]. В нашей стране исторически сложилось так, что обыденное правосознание с подозрением и неприязнью относится к законным установлениям, власть в своем законодательном творчестве пренебрегает интересами собственного народа, а чиновники усердно формируют подзаконное пространство для своей корпоративной, зачастую корыстной инициативы. А. И. Герцен, анализирувавший данную проблему, считал, что «русский, какого бы звания он ни был, обходит или нарушает закон всюду, где это можно сделать безнаказанно; и совершенно так же поступает правительство» [4, с. 251]. Привычную систему бесправия народ характеризовал в известных поговорках: «с сильным не судись, с богатым не рядись», «закон, что дышло» и т.д. [5, с. 28]. Поскольку закон рассматривался большинством населения как несправедливый, то и наказание его нарушителей зачастую не одобрялось, а осуждалось обществом, следовательно, заключенные вызывали не презрение и осуждение, а сочувствие. Преступление рассматривалось не столько как вина человека, сколько как его беда, связанная с его несчастной судьбой, сложившимися обстоятельствами, влиянием сатанинских сил и т.д. В народе живет стойкое представление, что такое может случиться с каждым: «От сумы и тюрьмы не зарекайся».

Мифологизация тюрьмы в настоящее время осуществляется авторами литературных произведений. Со страдание к преступникам нашло отражение в русской литературе, которая «всегда изображала мир преступников сочувственно, подчас с подобострастием» [14, с. 7]. Данный факт ярко иллюстрирует В. Т. Шаламов, который правдиво, используя художественные средства, раскрывает, как под влиянием «воровской» романтики, происходит вовлечение молодежи в преступную деятельность. Сам проведший в колымских лагерях более 20 лет, писатель видел в мифологизации тюрьмы, в создании романтического ореола вокруг воров «ошибку, педагогический грех литераторов». Сочувствие к заключенным присутствует, например, в таких произведениях как «Записки из Мертвого дома» Ф. М. Достоевского, «Остров Сахалин» А. П. Чехова [13, с. 39-372]. В 20-е годы XX в. появляется целый ряд произведений, мифологизирующих представителей криминалитета, таких как «Беня Крик» И. Бабеля [1], «Вор» Л. Леонова [7], «Мотъкэ Малхамовес» И. Сельвинского [10]. Элементы мифологизации мест заключения мы видим и у таких авторов, как А. А. Галич (Гинзбург), В. С. Высоцкий. Усиленно эксплуатируют криминальную тему современные писатели Б. Акунин (Г. Ш. Чхартишвили), А. Маринина (М. А. Алексеева), Д. Донцова (А. А. Донцова), В. Г. Колычев, Е. Е. Сухов и др., воплотившие на страницах своих книг романтические образы бандитов.

Мифологизация мест лишения свободы осуществляется и посредством киноискусства. В 90-е годы XX века значительно возросло количество кинофильмов о жизни преступного мира, героями которых стали либо преступники, либо борцы с преступностью, действующие по принципу «все средства хороши». В кинопрокате последних десятилетий значительную часть составляют фильмы криминальной тематики, например, «Бумер», «Бумер-2», «Брат», «Брат-2», «Жмурки», «С новым годом! С новым счастьем!», «Флэшка», «Точка», «Воровка», «Груз 200». Это полнометражные отечественные картины, в которых главными героями являются представители криминального мира, вызывающие не осуждение, а восхищение или, по крайней мере, сочувствие зрителя. С экрана звучат тюремный жаргон и грубая нецензурная лексика (фильм «Старухи»). Мифологизации тюрьмы способствуют телесериалы: «Жизнь и смерть Леньки Пантелеева», «Сонька Золотая Ручка», «Воры и проститутки», «Криминальный роман», «Бригада». Практически во всех этих телесериалах герои употребляют тюремный жаргон: «бабки», «лажа», «кайф», «вешать лапшу на уши», «балдеть», «кирять», живут по «понятиям», что способствует экспансии тюремной субкультуры.

Мифологизация мест лишения свободы осуществляется с привлечением музыкального шоу-бизнеса, особенно через так называемую блатную лирику. В музыкальном плане это разновидность популярного стиля «диско», а по содержанию текстов - произведения, романтизирующие и мифологизирующие преступную и тюремную жизнь. Подавляющее большинство этих произведений изображает героя как хорошего человека, совершившего преступление под давлением обстоятельств, несправедливо осужденного и несчастного.

Анализируя мифологизацию тюрьмы посредством музыкальных произведений, необходимо отметить, что еще в XIX веке в репертуар известных русских певцов, например, Н. Цыганова и Ф. Шаляпина вошли тюремные песни. Особое развитие тюремная песня получила в XX веке в разных формах и поджанрах в русле городского романса и так называемой блатной песни [11], песни «преступного, уголовного мира», песни «босаяцкого жанра» и т.д. Большое распространение тюремная лирика получила в 20-е годы XX в. как форма демократического творчества. Именно на основе городского (жесточкого) романса довоенных лет создавалась, например, знаменитая блатная песня Мурка [2, с. 229-232]. В 60-70-е гг. XX в. тюремная и блатная лирика становятся существенным элементом традиции «магнитофонного самиздата».

Относительно недавно тюремная лирика вошла в гибридный жанр «русского шансона», где сочетаются разные жанры русской песенной традиции, от стилизованной блатной лирики до новой аранжировки традиционных каторжных песен и советской дворовой песни, до эстрадного переделывания авторской песни или имитации французского шансона [3, с. 181-201]. Гибридный жанр «русского шансона» (М. Круг, И. Кучин, Ю. Алмазов, И. Горячев, Е. Чужой, А. Звягинцев, С. Север, С. Бобков и др.) активно участвует в процессе мифологизации тюрьмы и имеет для этого существенные возможности благодаря регулярной работе радиостанции «Шансон».

Особую озабоченность вызывает целенаправленная мифологизация тюрьмы, осуществляемая в настоящее время средствами массовой информации. На каждом телевизионном канале присутствуют новостные рубрики или передачи, «знакомящие» зрителей со спецификой преступного мира, такие как «Криминал», «Криминальная Россия», «Криминальные новости», в которых подробно рассказывается о деятельности криминальных организаций, жизни авторитетов преступного мира, повествуется о «громкие» убийствах, хищениях и т.д. Обилие криминальных сводок в СМИ, регулярные сообщения о нераскрытых преступлениях формируют у населения представление о полной криминализации российского общества, рождают ощущение беззащитности перед преступностью и неверие в эффективность работы правоохранительных органов.

Ярким свидетельством экспансии тюремной субкультуры является языковая ситуация в современной России. Язык - носитель норм и ценностей культуры - на сегодняшний день пронизан тюремным жаргоном. Страницы центральной периодической печати, речи ведущих ТВ, депутатов Федерального Собрания перестают терминироваться уголовным жаргоном [12, с. 40]. Во всех слоях современного российского общества сегодня употребляются слова «мент», «козел», «базар», «разборка» и т.п., причем они не требуют специального пояснения. Тюремный сленг широко распространен в среде молодежи. Например, глагол «тусоваться» регулярно употребляемый сегодня молодежью, первоначально означал «прогуливаться взад-вперед в компании по тюремному двору, локальной зоне» [9, с. 40].

Итак, мифологизация тюрьмы осуществляется в настоящее время средствами массовой информации, авторами литературных произведений и кинофильмов, романтизирующих заключенных, героизирующих или идеализирующих представителей криминалитета, пропагандирующих воровскую идеологию, «справедливость» тюремных норм и обычаев. Произведения искусства, убеждающие общество в том, что преступный мир монолитен и устойчив, что криминальное сообщество прогрессивно, способствуют распространению принципов, действующих в тюремной среде, в «вольный» мир. Причем мифологизированное изображение мест лишения свободы в кинофильмах и телепередачах оказывает более сильное, но кратковременное воздействие на зрителя, литература же, способна оказывать серьезное воздействие на нравственные и философские установки читателя, ее влияние более глубоко и продолжительно. Мифологизация мест лишения свободы осуществляется с привлечением музыкального шоу-бизнеса, через так называемую блатную лирику и «русский шансона». Об успешной экспансии тюремной субкультуры в настоящее время свидетельствуют широкое распространение уголовного жаргона, следование «понятиям», а не закону в различных сферах общественной жизни, практики армейской «дедовщины», репрезентирующие тюремные традиции и нормы, рост насилия в социуме, формирование толерантного отношения законопослушных граждан к преступлениям и преступникам.

Список литературы

1. Бабель И. Беия Крик: киноповесть. М.: Круг, 1928. 95 с.
2. Бахтин В. С. «Муркина» история // Нева. 1997. № 4. С. 229-232.
3. Гардзонно С. Русская провинция между мифом и стереотипом в «русском шансоне» // Russian Literature. 2003. LIII. P. 181-201.
4. Герцен А. И. Собр. соч. М., 1950. Т. 7. С. 251.
5. Гражданское общество, правовое государство и право («круглый стол» журналов «Государство и право» и «Вопросы философии») // Государство и право. 2002. № 1. С. 28.
6. Конгарев А. А. Идеи российской государственности. Ростов-на-Дону: РЮИ МВД России, 2000. С. 23.
7. Леонов Л. Вор: роман. М.: Профиздат, 1991. 607 с.

8. **Новгородцев П. И.** О своеобразных элементах русской философии права // Новгородцев П. И. Сочинения. М.: Раритет, 1995. С. 375-377.
9. **Олейник А. Н.** «Жизнь по понятиям»: институциональный анализ повседневной жизни «российского простого человека» // Полис. 2001. № 2. С. 40.
10. **Сельвинский И.** Мотык-Малхамовес // Русский воровской рассказ. М.: Амфора, 2008. 447 с.
11. **Трахтенберг В. Ф.** Блатная музыка («жаргон» тюрьмы). СПб., 1908. 69 с.
12. **Фролова Л. И.** Социально-психологические механизмы экспансии криминальной субкультуры // Преступность и культура / под ред. А. И. Долговой. М.: Норма-ИНФРА-М, 1999. С. 40.
13. **Чехов А. П.** Остров Сахалин (из путевых записок) // Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. М.: АН СССР; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького, 1976. Т. 14/15. С. 39-372.
14. **Шаламов В.** Колымские рассказы // Шаламов В. Собр. соч. М., 1998. Т. 2. С. 7.

УДК 343.2

Алексей Александрович Шишкин

Южно-Российский государственный университет экономики и сервиса

ВНЕДРЕНИЕ ИНСТИТУТА ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ В УГОЛОВНОЕ ПРАВО РФ[©]

Совсем недавно все мы стали свидетелями весьма серьезных изменений произошедших в отечественном уголовном праве. Федеральным законом №141-ФЗ от 17.06.2009 г в отечественное законодательство был имплементирован новый институт - досудебное соглашение, который так же известен как «сделка с правосудием».

В теории, досудебное соглашение о сотрудничестве - это взаимовыгодный договор обвинения и защиты, в котором они согласовывают и уточняют какие именно действия, совершит подозреваемый или обвиняемый для содействия расследованию. А представители стороны обвинения, фиксируют и уточняют смягчающие обстоятельства, а также положения статьи 62 УК РФ, на применение которых подозреваемый или обвиняемый сможет рассчитывать в случае выполнения своих обязательств.

Данный правовой институт был заимствован из англо-саксонской правовой системы, где имеет весьма обширное распространение. Лидером заключения «сделок с правосудием» является США, где данным образом решается до 90% дел.

Довод об успешности применения данного института за рубежом был одним из основных аргументов его разработчиков, однако она (практика применения) далеко не однозначна даже в государстве-прародителе «сделки с правосудием» - США.

Так, в 1975 г. главный прокурор штата Аляска прекратил практику заключения сделок с правосудием, впоследствии то же произошло и в некоторых других штатах: Новом Орлеане, Вентуре, Калифорнии, Окленде, штате Мичиган.

При этом Исследования Национального Института Юстиции в 1980 показали, что количество признаний вины оставалось на прежнем уровне, многие подсудимые признавали свою вину, даже если органами штата не предлагалось менее значительное обвинение.

Помимо опыта зарубежных стран в доводах о необходимости внедрения «досудебного соглашения» приводились следующие тезисы:

- внедрение рассматриваемого института в первую очередь будет способствовать борьбе с организованной преступностью. В условиях гарантированного снижения наказания рядовые участники организованных преступных группировок и бандформирований будут активно сотрудничать со следствием;

- внедрение рассматриваемого института в значительной степени способно разгрузить судебную систему, в этом отношении данный институт имеет сходство с особым порядком производства по делу, в связи с признанием вины;

- внедрение рассматриваемого института повысит раскрываемость преступлений, как за счет повышения выявляемости, так и за счет появления доказательственной базы по уже возбужденным правоохранными органами делам. В большей степени данное новшество, способно облегчить производство следствия по таким труднодоказуемым преступлениям, как заказные убийства;

- внедрение рассматриваемого института простимулирует преступника к положительному постпреступному поведению, и данным образом будет способствовать компенсации причиненного обществу вреда.

Для достижения этих целей необходимо заинтересовать обвиняемого, в качестве такого лакомого кусочка законодатель предлагает гарантированное уменьшение наказания, вплоть до 1/2 максимального срока, так же определен и особый порядок проведения предварительного следствия, судебного заседания и вынесения приговора, а также необходимые меры безопасности в случае возникновения угрозы подозреваемому или обвиняемому.